

*Мечтателям.
Вроде нас с тобой.*

Пролог

СВЕТ ЛУНЫ

События в Сильвине, провинции Лесов, напомнили стране Сирион и ее правителям, детям Божьим, что опасность еще не миновала. Атеисты вернулись. Древняя сила, вобравшая в себя преступников и отступников, отказывающихся признавать действующее мироустройство и правителей Сириона, была готова восстать и двинуться на детей Божьих войной. Но была еще одна странная вещь, которая случилась в Сирионе, стране Богов.

Кровавая Луна принесла с собой нечто невероятное. Далеко-далеко, на расстоянии многих миль от ветхой усадьбы, где Селеста и Натаниэль сражались с атеистами, остров, который считался проклятым, ожил вновь. Между одетыми в белое женщинами, исполняющими загадочный мистический танец, и монахиней, которая, преклонив колени, возносила Луне молитвы, в деревянной ванне сидела молодая женщина. Ее мечтательный взгляд был устремлен на полную луну:

— Каково будет снова увидеть его после всех этих лет? Помнит ли еще он меня?

С удовольствием погрузившись в воду, она заправила за ухо длинную прядь своих черных волос. При мысли о нем сердце ее забилось быстрее. Она не могла дождаться, когда наконец снова увидит его лицо.

— Как он мог тебя забыть? Ты была его первой любовью, — сказала ее сестра, переводя взгляд на небо.

Молодая женщина улыбнулась. Да, правда. Они были детьми, но то, что она чувствовала к нему, было искренней любовью. И он чувствовал то же самое.

— И последней, надеюсь, — очень тихо прошептала она голосом, полным надежды, но сестра услышала этот шепот и кивнула.

— Так и будет. — Она снова взглянула на луну, а потом опустила глаза на девушку, сидевшую в воде. — Пора.

Полная луна в небе окрасилась в красный цвет; вода в ванне приобрела тот же оттенок. Плавающие на поверхности воды свечи ярко мерцали, и белоснежная кожа девушки сияла в этом свете. Девушкой, сидящей в воде, овладела сила, коей та не испытывала никогда прежде. Кровь пульсировала в ее жилах, сердце в груди иступленно билось, а глаза сверкали подобно звездам. Область между лопатками пронзила острая боль, но девушка не проронила ни звука. Она была готова вынести любую боль на свете. Ради сво-

его предназначения. Ради своей богини. Ради него.

Когда жжение утихло, она перекинула волосы через плечо, открывая обнаженную спину. Бело-снежную кожу между лопатками украшал изогнутый трискелион. Знак богов.

— Поздравляю, сестра. Свершилось. Ты готова отправиться к своему любимому? — словно обладая каким-то тайным знанием, спросила девушка. — Теперь Луна будет вместе с Солнцем.

Эти слова, подобно жидкому счастью, заструились по венам девушки, сидящей в воде. Она встала из ванны, и призрачный свет луны замерцал на коже ее обнаженного тела, покрытого каплями влаги.

— Скоро всей стране будет что отпраздновать. Рождение новой Дочери Луны, — возвестила ее сестра.

В этот момент в другой части страны возродилось дерево, и на нем распустился кроваво-красный цветок. Адела, дерево безмолвия, зацвело вновь — впервые за двести пятьдесят лет.

Глава 1

НОВОЕ НАЧАЛО

Селеста

Уже не в первый раз она просыпалась рядом с этим надгробием. За башнями дворца показалось утреннее солнце, заливая своим теплым светом небольшую лужайку в глубине королевских садов. Селеста, чувствуя онемение во всем теле, села рядом с простым белым камнем. Ни мрамор, ни украшения, ни даже цветы не раскрывали значения камня. На нем было вырезано только имя. Эстель.

Своему отцу, главарю атеистов и мужчине, который организовал нападение на дворец Сильвины, Селеста воздвигать памятник не пожелала. Будь на то ее воля, она заставила бы этого человека сгореть в аду. До самого конца своей жизни он был на стороне атеистов, в то время как Эстель пыталась спасти Селесту. И заплатила за это своей жизнью.

Воспоминания о тех событиях терзали Селесту, не давая ей спать по ночам. Часто, слишком часто она просыпалась вся в поту, крича от страха. Вид умирающей матери впечатался в ее сознание, и жрица была не в силах забыть этот образ. Но в стенах дворца Селеста не могла горевать и оплакивать мать. Слишком глубоки были угрызения совести и стыд от того, что она проливает слезы по атеистке.

Две другие жрицы, Малия из Сирены и Линнея из Сильвины, король Миро и ее опекунша Симея уверяли Селесту, что каждому ребенку позволено оплакивать потерю своих родителей. Но это было неправдой. Правду Селеста видела в аурах слуг и знати. Дар жрицы, божий дар Дочери Неба, открывал ей сущность и намерения других людей. И они осуждали ее. Селеста была потомком предателей, и это сеяло сомнения в сердцах людей. Сомнения, которые были вполне понятны ей самой. Девушка и сама не знала, как быть с этим знанием. Почему боги призвали дочь предателей? Зачем им понадобилось возлагать на нее такое бремя?

— Может, в следующий раз стоит взять с собой одеяло. — В этом глубоком голосе Селеста отчетливо услышала нотки веселья. Каждый раз, когда она проводила ночь в саду, на следующее утро за ней приходил он. И каждый раз мягко журил: — Ты снова ушла сюда одна. Я думал, мы договорились, что ты меня разбудишь?

Селеста посмотрела на говорившего. Мужчина, скрестив руки на груди, прислонился к стволу

дерева. Пряди русых волос упали на лоб, зеленые глаза сияли в свете восходящего солнца. Выглядел он, как всегда, идеально.

— Нет, это *ты* решил, что я тебя разбужу. А я никогда не соглашалась с этим. А одеяло мне не нужно. Сейчас лето, и ночи теплые, — Селеста отвернулась, чтобы он не видел ее нежной улыбки.

Натаниэль, ухмыльнувшись, покачал головой, а потом оттолкнулся от дерева и направился к ней. Он остановился прямо за спиной Селесты и опустил руки ей на плечи.

— Все в порядке? — Он всегда задавал один и тот же вопрос, и Селеста всегда давала на него один и тот же ответ.

— Со мной все в порядке.

Большой палец его руки коснулся обнаженной кожи шеи Селесты, и по спине девушки пробежали мурашки.

— Я знаю, что ты не в порядке.

— Мне, наверно, никогда не сумеешь тебя обмануть, правда?

— Именно так.

Почему Илиас, бог Солнца, должен был благословить его именно этим даром — умением распознавать ложь? Селесте никогда не удавалось быть хорошей лгуньей, хотя за последние недели ей удалось улучшить свои позиции на этом поприще. Но только не с Натаниэлем. Против него жрица была бессильна. Он моментально чувствовал каждую крупницу лжи, что была в ее словах.

— Хочешь поговорить об этом? — Нат опустился позади нее на корточки, и Селеста прислонилась к нему. Она думала, что после возвращения в столицу их отношения изменятся. Что они вернутся к тому, что было раньше. Никаких прикосновений, никаких поцелуев. Вместо этого — ссоры и стычки. Но все было не так. После того, как Натаниэль и Селеста побывали в плену, отношения между ними изменились.

Селеста покачала головой и взяла его за руки. Она нежно провела пальцами по внутренней стороне его ладоней. Натаниэль вздохнул.

— Тебе нужно с кем-то об этом поговорить. Не со мной, так с кем-нибудь другим.

— Ну вот чего ты придираешься? Обычно ты только радуешься, когда мне нечего сказать. — Он не мог видеть, как уголки губ на ее лице приподнялись снова. С ним было так легко говорить, так легко смеяться. Раньше Селеста и подумать не могла, что однажды между ними все будет вот так.

Натаниэль притянул Селесту к себе, и она инстинктивно сжала его руки еще крепче.

— Неправда. Я радуюсь, когда ты всем довольна и тебе не на что пожаловаться. Так что хватит молчать. Поговори со мной.

На этот раз вздохнула Селеста. Девушка не знала, готова ли говорить о своих чувствах. Внутри царил хаос, который она никак не могла упорядочить.

— Что ты хочешь услышать? Я выяснила, кто мои родители. А теперь они оба мертвы.

Несмотря на то, что те памятные события произошли три недели назад и все их участники постепенно возвращались к своей обычной повседневной жизни, Селеста до сих пор никак не могла оправиться от случившегося. Слишком нереальным казалось то, что она раскрыла величайшую тайну своей жизни. К своему удовольствию или нет, значения не имело.

— Эстель умерла за тебя.

Голос Натаниэля был нежен, и его руки сомкнулись вокруг любимой. Селеста взглянула на белый камень с именем матери.

— Это ничего не меняет. Она была на стороне атеистов, и если бы не решила спасти меня от гибели, то пошла бы с ними. Кто знает, какую роль она на самом деле играла в их рядах?

Селеста подозревала, что ее мать поддерживала с лидерами атеистов связи более глубокие, чем они предполагали. Но этого им никогда не узнать.

— Конечно, меняет. Неужели ты думаешь, что она бросилась бы на эту стрелу, если бы уверенно стояла на стороне атеистов? Или позаботилась бы о том, чтобы нас нашла королевская армия?

Селеста покачала головой.

— Она не сделала этого ни для меня, ни для детей Божьих. Я видела ее ауру. Она ни в чем не раскаивалась. Я считаю, что она, скорее всего, не хотела ставить под угрозу первоначальный, *настоящий* план атеистов.

Эстель предала собственного мужа. Ради атеистов. Селеста была в этом уверена. Этой женщине было все равно, что атеисты захватывают и убивают людей. Тогда почему ее должно было волновать то, что один из Божьих детей погибнет? Разве не это, в конечном итоге, было тем, чего и хотели атеисты? Гибели всех Божьих детей. Не важно, каким способом.

— Прекрати убеждать себя в этом. Мир не делится только на черное и белое. Ведь она, в конце концов, дважды спасала тебе жизнь.

Губы мужчины оказались прямо у ее уха, и Селеста прикрыла глаза. Когда Натаниэль был так близко, ей хотелось многого. Но только не говорить о матери. Жрица уже привыкла к этой близости, к запаху и теплу тела Ната.

— Ты говоришь так только потому, что сам видишь все исключительно в оттенках серого.

— Точно. Я ведь тоже был не на той стороне, помнишь?

Селеста развернулась в объятиях Натаниэля так, чтобы видеть его лицо. Зеленые глаза Ната весело блеснули, и девушка не смогла удержаться от смеха:

— Как я могу это забыть? Ты столкнул меня с крыши.

— Исключительно для того, чтобы спасти тебе жизнь. Ты могла бы проявить хоть толику благодарности.

Она приподняла бровь и хмуро взглянула на него. Благодарность? Это что, шутка? Если вер-